

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Статьи по общей и древней церковной исторіи ¹⁾.

2) Новыя теченія въ церковно-исторической наукѣ; задача и содержаніе статьи проф. В. И. Герье; вопросъ о происхожденіи донатизма; судьба блаж. Августина; нѣкоторыя замѣчанія по поводу взгляда проф. Герье на донатизмъ.—3) Недостатки современной грузинской литературы по начальной исторіи христіанства въ Грузіи; выводы статьи П. Джавахова о проповѣднической дѣятельности св. Нины и ап. Андрея въ Грузіи.—4) Нѣсколько словъ объ экскурсахъ проф. В. В. Болотова по исторіи сиро-персидской церкви.—5) Церковно-историческое значеніе восточнаго Илиринка по статьѣ П. Лепорскаго.

2) Обращаясь къ статьѣ В. И. Герье, напечатанной въ Вѣстн. Европы подъ заглавіемъ: „Борьба за единство вѣры въ IV вѣкѣ“, прежде всего напомнимъ читателямъ, что авторъ ея состоитъ профессоромъ Московскаго Универс. по кафедрѣ *общей гражданской исторіи*. Это обстоятельство заслуживаетъ вниманія. Еще въ недавнее время церковная исторія составляла собой область замкнутую, предоставленную специалистамъ богословія и лежавшую внѣ общеисторическаго кругозора. Не только такъ назыв. образованное общество не считало нужнымъ для себя запасаться какими-либо свѣдѣніями по церковной исторіи, но и записные гражданскіе историки относились къ ней съ нескрываемымъ пренебреженіемъ и, если касались ея области, то развѣ затѣмъ, чтобы подчеркнуть курьезъ или нарисовать карриатуру. Теперь это время прошло. „Теперь,—свидѣтельствуетъ проф. Герье,—стѣна, отдѣлявшая церковную исторію отъ граждан-

¹⁾ Окончаніе. См. Богосл. Вѣст., Іюль—Августъ, стр. 609—625.

ской, пала на значительномъ пространствѣ для людей интересующихся исторіей. Въ области исторіи церкви появились такія замѣчательные изслѣдователи, а результаты ихъ трудовъ такъ поразительны и плодотворны, открываютъ такія далекія научныя перспективы, что именно въ этихъ результатахъ и заключается главный прогрессъ исторической науки нашего времени“. Съ другой стороны,—добавимъ мы,—и подъемъ историческихъ занятій, какимъ ознаменовалась вторая половина истекшаго XIX вѣка, необходимо велъ къ тому, чтобы предоставить церковной исторіи надлежащее мѣсто въ системѣ историческихъ наукъ. Чѣмъ глубже научное изслѣдованіе входило въ изученіе прошлаго, тѣмъ очевиднѣе становилась непригодность искусственнаго дѣленія живыхъ явленій по механическимъ рубрикамъ гражданскихъ, церковныхъ, политическихъ и др. исторій и тѣмъ яснѣе выступала та истина, что подлинная исторія народовъ и всего человѣчества есть результатъ взаимодействия слишкомъ сложныхъ и многообразныхъ элементовъ, среди которыхъ религія занимаетъ не послѣднее мѣсто. Сознаніе этой истины необходимо сближало между собой гражданскую и церковную исторію, и не только въ области изучаемаго матеріала, но и въ отношеніи къ методамъ изслѣдованія. Если гражданскаго историка оно побуждало отбросить прежнее предубѣжденіе противъ церковной исторіи и заняться изученіемъ ея фактовъ въ цѣляхъ болѣе всесторонняго воспроизведенія подлежащихъ специально его компетенціи явленій, то въ церковно-исторической наукѣ оно привело къ установкѣ того принципа, что и церковныя событія не составляютъ чистаго произведенія одного религіознаго духа, а стоятъ въ тѣсной связи со всей совокупностью данныхъ въ исторической наличности условій и въ нихъ находятъ свое объясненіе. Этотъ принципъ значительную часть церковно-историческаго матеріала обращалъ въ нейтральную область, одинаково способную заинтересовать собой гражданскаго и церковнаго историка,—такъ что въ настоящее время на западѣ можно указать уже солидный рядъ гражданскихъ историковъ, заявившихъ о себѣ прекрасными работами по специально церковно-историческимъ вопросамъ.

Въ нашей исторической литературѣ статья проф. Герье является первымъ серьезнымъ опытомъ въ этомъ родѣ. Из-

бравъ предметомъ своего изслѣдованія спеціальныи церковно-историческiй эпизодъ, проф. Герье свой выборъ мотивируетъ именно желанiемъ разсмотрѣть вопросъ съ точки зрѣнiя новыхъ требованiй, приложить къ нему современные приемы историческаго изслѣдованiя и чрезъ это понять и освѣтить его съ новыхъ сторонъ. Написанная съ мастерствомъ и знанiемъ дѣла, отличающимися всѣ вообще работы проф. Герье, статья дѣйствительно предлагаетъ новый методъ въ наиболѣе яркой формѣ его примѣненiя, въ которой яснѣе выступаютъ его достоинства и недостатки, и такимъ образомъ даетъ въ себѣ рѣдкiй случай для его оцѣнки. Посмотримъ, какъ онъ примѣняется на дѣлѣ.

Заглавiе статьи,—принятое, быть можетъ, для того, чтобы не запугать читателя свѣтскаго журнала болѣе спеціальнымъ терминомъ,—не вызываетъ непосредственно точнаго представленiя о предметѣ ея. „Борьба за единство вѣры въ IV-мъ вѣкѣ“—это слишкомъ общее опредѣленiе, подъ которое подходитъ цѣлый рядъ разнообразныхъ явленiй, характеризующихъ собой церковную жизнь IV вѣка. Арианскiя движенiя, споры съ другими еретиками, литературная и практическая борьба съ язычествомъ и мн. под. — что все это имѣло въ своей основѣ, какъ не стремленiе церкви утвердить и охранить свое единство? Но изъ всей этой массы явленiй, выражавшихъ собою борьбу церкви за единство вѣры въ IV вѣкѣ, проф. Герье выбираетъ для своего изслѣдованiя одинъ только эпизодъ, именно: исторiю борьбы съ донатизмомъ и участiе въ ней блаж. Августина, такъ что болѣе точнымъ заглавiемъ его статьи могло бы быть такое: донатизмъ и борьба съ нимъ блаж. Августина. Этотъ выборъ имѣетъ свои основанiя. Не смотря на то, что донатизмъ представлялъ собой явленiе мѣстное, возникшее на далекой окраинѣ вселенской церкви и стоявшее въ сторонѣ отъ великихъ движенiй, волновавшихъ прочiй христiанскiй мiръ, его исторiя даетъ въ себѣ наиболѣе характерныя данныя для выясненiя тѣхъ особенностей, какiя приняла борьба за единство вѣры въ IV-мъ вѣкѣ. Донатизмъ отличался необыкновеннымъ упорствомъ, и борьба съ нимъ была трудна и продолжительна. Осужденные церковною и гражданскою властью вскорѣ послѣ своего выдѣленiя въ особую партiю, донатисты болѣе двухъ вѣковъ отстаивали свое право на

существованіе, не сдавались ни на какіе уговоры, притѣсненія и насилія, и на всѣ требованія, предъявленныя къ нимъ со стороны церкви и государства, отвѣчали лишь готовностью пожертвовать жизнію за свои убѣжденія. Этотъ героизмъ, эта готовность къ мученичеству, напоминающая первыя времена христіанства, наконецъ, вся трагическая судьба донатистовъ—достаточно для того, чтобы привлечь къ нимъ вниманіе исторіи и вызвать попытки глубже проникнуть въ ихъ душу, понять и объяснить страсти и идеалы, толкавшіе ихъ на путь мученичества. Кромѣ того, въ настоящее время съ изученіемъ донатизма соединяется и особый научный интересъ, въ виду недавнихъ открытій въ Африкѣ, доставившихъ въ распоряженіе науки новыя данныя объ этомъ движеніи. Но содержаніе статьи проф. Герье, какъ мы видѣли, не исчерпывается одной исторіей донатизма. Въ рѣшеніи вопросовъ, выдвинутыхъ донатизмомъ, приняла участіе „одна изъ замѣчательныхъ личностей всѣхъ временъ“, блаж. Августинъ, благодаря которому борьба, развившаяся на почвѣ мѣстныхъ условій, получила обще-историческое значеніе. Выступивъ на борьбу съ донатизмомъ съ полной вѣрой въ силу любви и истины, съ твердымъ убѣжденіемъ, что достаточно озарить донатистовъ свѣтомъ истины, согрѣть ихъ братской любовью, — и язва раздѣленія прекратится, Августинъ подъ давленіемъ обстоятельствъ скоро усумнился въ дѣйствительности этихъ идеальныхъ началъ, отказался отъ нихъ, и изъ проповѣдника свободы совѣсти сдѣлался защитникомъ принужденія въ дѣлахъ вѣры. Проф. Герье ставитъ задачей „прослѣдить эту эволюцію возрѣвнѣй Августина, установить генезисъ страшнаго принципа *coe intrare*“, и такимъ образомъ въ его статьѣ предъ взоромъ читателя проходитъ двойная драма: одна совершается на сценѣ исторіи въ трагическихъ попыткахъ донатизма отстаивать свое право на существованіе, другая — въ душѣ Августина, въ которой этотъ „великій идеалистъ тщетно борется противъ требованій среды и обстоятельствъ и подъ гнетомъ ихъ измѣняетъ своему идеалу“.

Въ исторіи донатизма, какъ она изложена у Герье, особенное вниманіе обращаетъ на себя устанавливаемый имъ взглядъ на сущность донатистскаго движенія и причины, его породившія. Оцѣнивая существующую, довольно обшир-

вую, литературу по этому вопросу, проф. Герье находить, что она еще не стоит на надлежащей научной высотѣ. Изучавшіе доселѣ донатизмъ, церковные историки разсматривали его односторонне; весь вопросъ о происхожденіи его они сводили лишь къ разъясненію того каноническаго правила или догматическаго пункта, нарушеніемъ котораго начался расколъ, и все дѣло представляли такъ, какъ будто оно происходило внѣ пространства и времени. Только въ наши дни, благодаря новымъ археологическимъ открытіямъ, стала возможна иная, болѣе широкая точка зрѣнія на это явленіе. Съ тѣхъ поръ, какъ французы заняли Алжиръ и Тунисъ, эти страны, служившія нѣкогда территоріей донатистскихъ движеній, сдѣлались предметомъ самыхъ обильныхъ археологическихъ изслѣдованій. Раскопки французскихъ ученыхъ воскресили древнюю Африку: открыты военныя дороги, созданныя нѣкогда римскими легіонами, возстановлены богатыя помѣстья со всѣмъ ихъ жизненнымъ обиходомъ, отрыты цѣлые города, сохранившіеся въ своихъ главныхъ памятникахъ. Безчисленныя надписи, найденныя на скалахъ, остаткахъ зданій и могилахъ, ознакомили съ исчезнувшимъ населеніемъ Африки, повѣдали ихъ имена, заслуги, семейное и общественное положеніе, горести и надежды въ жизни. Короче говоря, на глазахъ современнаго міра возстановилась вся древняя Африка, а вмѣстѣ съ нею ожила и та обстановка, въ которой зародился и возросъ донатизмъ. Приглядываясь къ этой обстановкѣ, изучая особенности племеннаго состава населенія Африки, его быта, культуры и исторіи, легче становится понять исторію этого раскола и его характерныя черты. Новыя открытія показали, что донатизмъ не былъ только вѣроисповѣднымъ споромъ; онъ былъ „продуктомъ римской Африки“, развился на почвѣ ея, и потому корни его нужно искать не въ случайной распрѣ по церковному вопросу, а въ глубинѣ далекаго прошлаго, въ исторіи культуры и цивилизаціи африканскаго населенія.

Этотъ взглядъ на донатистское движеніе проф. Герье и полагаетъ въ основу своего изслѣдованія о немъ. Исторія донатизма въ его статьѣ начинается въ подлинномъ смыслѣ *ab ovo*,—съ географическаго описанія страны, послужившей ареной для донатистской драмы. Предъ нами сѣверный уго-

локъ Африки, полный всевозможныхъ контрастовъ, гдѣ страннымъ образомъ переплетаются между собою вода и суша, плодоносныя равнины и голыя скалы, роскошныя долины и уединенныя неприступныя плоскогорія. Такая страна рождала привычку къ разобщенію и своеволію и не способна была создавать устойчивыя характеры. Древнѣйшее населеніе страны, которому арабы усвоили имя берберовъ, не отличалось единствомъ, распадаясь на множество мелкихъ племенъ, враждовавшихъ между собой, и не могло подняться на болѣе или менѣе значительную степень культуры. Городская культура и торговля принесена была сюда впервые изъ Малой Азіи семитами (финикійцами), которые построили здѣсь рядъ извѣстныхъ впослѣдствіи городовъ, какъ Карфагенъ, Утика, Гиппонъ и др., слились съ мѣстными жителями и образовали изъ себя смѣшанное населеніе, получившее впоследствии у римлянъ имя пунійцевъ. Латинскій элементъ вступилъ въ сѣверную Африку въ половинѣ II в. до Р. X. и сталъ здѣсь быстро развиваться. Римляне примѣнили къ Африкѣ всѣ обычныя имъ средства колонизаціи: пустыни ея покрылись прекрасными военными дорогами, около которыхъ возникли богатые города и селенія; старые города, усердно надѣляемые привиллегіями, перестраивались по образцу Рима; знатные римляне и богачи Италіи пріобрѣтали здѣсь обширныя помѣстья и приносили съ собою римскій духъ и римскіе порядки; со втораго вѣка правительственнымъ и оффиціальнымъ языкомъ сталъ языкъ латинскій, въ школахъ учили только по латыни, даже въ религіи имена прежнихъ семитическихъ боговъ замѣнились римскими; Африка сдѣлалась какъ бы продолженіемъ Италіи, перекинутымъ чрезъ Средиземное море. Но это торжество латинской культуры было не прочно, превращеніе Африки въ Италію осталось внѣшнимъ лоскомъ и не затронуло ея сущности. Латынь вошла въ богатые дома, покрыла мавзолеи и надгробныя камни, но не изгладила изъ сердца жителей Африки ни памяти о родномъ наслѣдіи, ни привязанности къ нему. Подъ именемъ Сатурна, Юпитера, Аполлона пунійцы по прежнему поклонялись своему семитическому Ваалу, пунійскій языкъ продолжалъ господствовать въ низшемъ классѣ населенія, и на небольшомъ разстояніи отъ берега Африки истый римлянинъ чувствовалъ себя уже на чуж-

бинѣ. Такимъ образомъ, задолго до появленія донатизма, еще раньше, чѣмъ проповѣдь христіанства достигла до Африки, въ глубинѣ здѣшняго населенія шла скрытая борьба между двумя расами и двумя культурами—пунійской и латинской. Туземный элементъ не былъ устраненъ романизацией; подавленный пришельцами онъ ждалъ повода, чтобы вступить въ открытый споръ. Такимъ поводомъ и послужили споры о предательствѣ, возникшіе среди африканскихъ христіанъ въ эпоху гоненія Діоклитіана.

Ближайшія обстоятельства, положившія начало этимъ спорамъ, получившимъ впослѣдствіи имя донатистскихъ, достаточно извѣстны ¹⁾. Но чисто церковный вопросъ, раздѣлившій собой всѣхъ африканскихъ христіанъ, послужилъ только толчкомъ къ проявленію того внутренняго раздвоенія, которое съ давнихъ поръ раздѣдало населеніе и культуру римской Африки. Церковный элементъ въ донатизмѣ осложнился элементами національнымъ и культурнымъ. „Благопріятныя условія для своего развитія донатизмъ нашелъ въ противодѣйствіи и реакціи туземнаго элемента противъ латинской цивилизациі и римскаго объединенія“, и сдѣлался мѣстомъ сборища всего, что противилось Риму и его культурѣ. Въ области религіозной это обнаружилось въ томъ значеніи, какое донатисты придавали мѣстному и расовому принципу. „Донатистскіе богословы примѣняли къ своей сектѣ всѣ мѣста свящ. писанія, гдѣ говорилось объ отступничествѣ большинства отъ вѣры въ послѣдніе дни и оправовѣріи меньшинства и относили къ Африкѣ слово полдень въ книгѣ Пѣснь Пѣсней, въ разговорѣ невѣсты съ женихомъ т. е. церкви со Христомъ. Они утверждали, что Христу остались вѣрными только два языка, — латинскій и пунійскій. На этомъ основаніи донатисты стали чуждаться всѣхъ другихъ церквей—галльской, римской, восточной,—за то, что эти заморскія церкви сохранили общеніе съ предателями, и считать только африканскую церковь святою“. Но нигдѣ мѣстный расовой характеръ донатистскаго дви-

¹⁾ Въ статьѣ Герье эти обстоятельства излагаются подробно, равно какъ даны и краткія указанія на предшествующую исторію христіанства въ Африкѣ, но мы ихъ не воспроизводимъ, потому что особеннаго интереса они не представляютъ.

женія не сказался столь ясно, какъ въ томъ вліяніи, какое онъ оказалъ на низшіе слои африканскаго населенія, мало подавашагося латинской цивилизаціи. „Здѣсь ярко проявилось, насколько оно было обусловлено особенностями міровоззрѣнія, культуры, обычаевъ и преданій мѣстнаго населенія, благодаря которымъ общее христіанское ученіе преломлялось здѣсь, какъ въ призмѣ, и утрачивало свое первоначальное единство и чистоту. Проникновеніе донатизма въ сельское сословіе Африки, особенно въ Нумидіи, породило своеобразное явленіе, извѣстное подъ именемъ циркумцелліоновъ. Названіе это дано было имъ противниками ихъ за бродяжничество и обозначало людей скитающихся, но сами они считали себя святыми борцами (agonisti) противъ діавола. Отличительной чертой циркумцелліоновъ было соединеніе бродяжничества съ аскетическимъ началомъ; они бросали свои занятія, имущество, жили подаяніямъ, но въ противоположность монахамъ, бродили толпами, вооруженные дубинами, готовые напасть на враговъ Господа, которыхъ они видѣли вездѣ. Никто во время господства ихъ не былъ безопасенъ въ своихъ помѣстьяхъ; росписки должниковъ утрачивали свою силу, даже проѣзжавшихъ по дорогамъ они стаскивали съ тѣлегъ и заставляли бѣжать пѣшкомъ. Народный характеръ этого движенія обнаруживается уже въ туземномъ названіи его вождей—Аксиды и Фазиса, но еще яснѣе онъ проглядываетъ въ двоевѣрїи, какое внесли они въ христіанство. Они любили собираться около мученическихъ могилъ, справляли по нимъ тризну, при чемъ надгробныя плиты служили имъ столами или алтарями. Эти выбѣленные алтари указываютъ намъ на древній семитическій обычай, перенесенный цунійцами въ Африку—совершать поминки на могилахъ предковъ или мановъ. „Въ сердцѣ африканскихъ христіанъ жилъ кареагенскій Молохъ, требовавшій человѣческихъ жертвъ.“ На этой почвѣ почитаніе мучениковъ извратилось въ почитаніе мученичества, и послѣдней характерной чертой циркумцелліоновъ, а отчасти и донатистовъ вообще является исканіе мученичества. „Опьяненные религіознымъ экстазомъ, а иногда быть можетъ опьяненные и въ буквальномъ смыслѣ этого слова, циркумцелліоны искали смерти, то бросаясь со скаль, то умоляя встрѣчныхъ покончить съ ними.“

И такъ, что-же такое представляетъ собой донатистское движеніе, по выводамъ проф. Герье? Оно не было только церковной распрей, какъ часто доселѣ смотрѣли на него. Донатизмъ развился на почвѣ расовыхъ и культурныхъ особенностей, раздѣлявшихъ туземное населеніе Африки отъ навязываемой изъ Рима чужой культуры, и на сценѣ исторіи явился, какъ выраженіе давно существовавшаго „антагонизма между провинціей и имперіей, между либо-финикійской и латинской расой и культурой“. Въ установкѣ этого взгляда на происхожденіе донатизма и заключается главный интересъ, а равно и научная цѣнность разсматриваемой статьи. Дальнѣйшія событія изъ исторіи донатизма, изложенныя у Герье съ той же художественностью и знаніемъ дѣла, уже не представляютъ особеннаго интереса, да и самъ авторъ занимается ими лишь постольку, поскольку они объясняютъ противодонатистскую дѣятельность блаж. Августина.

Блаж. Августина посвящены лучшія страницы статьи проф. Герье. Превосходное знаніе сочиненій и особенно писемъ Августина дало автору возможность извлечь богатѣйшій матеріалъ для характеристики борьбы его съ донатизмомъ, а тонкій психологическій анализъ, соединенный съ замѣтнымъ увлеченіемъ свѣтлой личностью изучаемаго дѣятеля, претворилъ этотъ матеріалъ въ живыя картины, всецѣло овладѣваюція вниманіемъ читателя. Съ замѣчательной послѣдовательностью, шагъ за шагомъ, отмѣчая малѣйшія подробности, статья проф. Герье слѣдитъ за тѣмъ, какъ подъ вліяніемъ разнаго рода обстоятельствъ постепенно совершился въ душѣ Августина переворотъ, приведшій его къ измѣнѣ своимъ первоначальнымъ высокимъ идеаламъ. Какъ на сценѣ, возстаютъ предъ читателемъ въ яркихъ чертахъ всѣ колебанія, пережитыя Августиномъ, всѣ затрудненія и преграды, встрѣченныя имъ на пути къ осуществленію своихъ возвышенныхъ стремленій, невольно оправдывая предъ нами тотъ печальный результатъ, какимъ они закончились. Къ психологическому интересу присоединяется еще и интересъ общенсторическій. Какъ извѣстно, теорія насильственнаго принужденія въ дѣлахъ вѣры, развитая Августиномъ подъ вліяніемъ исключительныхъ условій борьбы съ донатизмомъ, приобрѣла рѣшающее значеніе въ запад-

номъ средневѣковомъ міросозерцаіи и послужила авторитетнымъ оправданіемъ для всѣхъ ужасовъ, совершенныхъ инквизиціей во имя вѣры.

Мы не будемъ слѣдить въ подробностяхъ за этими страницами, занимающимися блаж. Августиномъ, такъ какъ это повело бы за предѣлы, предназначенные для отзыва, и попытаемся сдѣлать краткую оцѣнку высказаннаго проф. Герье взгляда на донатизмъ, а равно и примѣненнаго къ нему метода изученія. Было бы излишне говорить о достоинствахъ рассматриваемой статьи; за нихъ достаточно ручается уже имя ихъ автора. Взявъ предметомъ своего изслѣдованія довольно специальный и малоизвѣстный эпизодъ изъ церковной жизни IV вѣка, проф. Герье далъ ему оригинальную постановку и, связавъ съ нимъ широкія точки зрѣнія, сообщилъ ему общенѣсторической интересъ. При своихъ научныхъ достоинствахъ, статья выгодно отличается и съ внѣшней стороны—художественностью языка и занимательностью изложенія,—качествами, которыя являются наиболѣе пригодными для того, чтобы оживить въ свѣтской читающей публикѣ вниманіе къ несправедливо забытой ею области церковно-историческаго познанія. Такому сотруднику церковный историкъ можетъ только радоваться и пожелать, чтобы работы подобнаго рода не оставались рѣдкимъ десертомъ на скудной изысканными яствами трапезѣ русской исторической литературы. Въ частности, въ отношеніи къ донатизму, статья пр. Герье наглядно показываетъ, какую пользу можетъ извлечь церковная исторія отъ союза съ гражданской; донатизмъ рассмотрѣнъ здѣсь съ новой стороны, поставленъ въ тѣсную связь съ породившей его почвой и средой и такъ сказать прикрѣпленъ къ опредѣленному географическому пункту и къ опредѣленной исторической эпохѣ, а отсюда и нѣкоторыя его особенности получили новое освѣщеніе и выступили съ болѣе индивидуальнымъ характеромъ. Этотъ результатъ уже само собою оправдываетъ принятый въ статьѣ Герье методъ изслѣдованія и даетъ фактическое доказательство его научной важности и плодотворности.

Но признавая полное право на примѣненіе къ церковной исторіи принципа, требующаго изучать явленія ея въ связи съ создавшей ихъ внѣшней обстановкой, нельзя не замѣтить,

что это право имѣть свои ограниченія. Въ цѣляхъ общенсторическаго познанія союзъ гражданской исторіи съ церковной можетъ оказаться дѣйствительно плодотворнымъ лишь при томъ непремѣнномъ, условіи, если онъ основывается на взаимномъ уваженіи историковъ къ результатамъ той и другой науки. Церковный историкъ, намѣренно игнорирующий выводы общенсторической науки, обрекаетъ свою науку на отсталость и безжизненность, но и гражданскій историкъ, изучающій церковное явленіе съ точки зрѣнія политическихъ, національныхъ, экономическихъ и пр. условій его времени, долженъ тщательно заботиться о томъ, чтобы не утратить чувство мѣры, не преувеличить значенія сопутствующихъ факторовъ и специфически религіозное явленіе не обратить въ фактъ изъ исторіи культуры, политики, расовой борьбы и пр. Нельзя сказать, чтобы взглядъ на донатизмъ, проводимый у проф. Герье, былъ вполне свободенъ отъ этихъ недостатковъ. Въ его статьѣ насъ прежде всего удивляетъ отношеніе ея автора къ существующей спеціальной церковно-исторической литературѣ о донатизмѣ; эту литературу проф. Герье зачеркиваетъ однимъ почеркомъ пера, признавая ее односторонней, не достигшей надлежащей научной высоты, и задачей своей статьи ставить между прочимъ „оживить поблекшій въ ней образъ донатизма“. Не совсѣмъ ясно понимаемъ, какую собственно литературу имѣетъ здѣсь въ виду статья проф. Герье? Если-ту, которую принято признавать устарѣвшей (напр. до 60-хъ г. XIX ст.), то давно-ли и гражданская исторія вышла изъ пеленокъ научной наивности, когда всю исторію человечества она сводила къ придворнымъ интригамъ, къ рассказамъ о подвигахъ полководцевъ, къ личнымъ усиліямъ не многихъ дѣятелей? Что же касается до современной (конечно, западной) ¹⁾ церковно-исторической литературы, то рекомендуемый проф. Герье принципъ не только является руководящимъ началомъ большинства церковно-историческихъ трудовъ послѣдняго времени, но и давнымъ давно примѣненъ

¹⁾ О русской не можетъ быть и рѣчи, потому что она имѣетъ много другихъ своихъ серьезныхъ задачъ, помимо изученія донатизма, принадлежащаго болѣе исторіи западной церкви. Однако, и на русскомъ языкѣ имѣется приличное сочиненіе Кутепова: „Расколъ донатистовъ (Казань, 1884)“

къ изученію донатизма. Мысль о томъ, что въ донатистскомъ движеніи дали знать о себѣ мѣстные національные африканскіе элементы, была высказана покойнымъ Дэллингеромъ еще въ 1861-мъ году ¹⁾ и съ тѣхъ поръ неоднократно подвергалась защитѣ и обсужденію въ работахъ, вышедшихъ изъ-подъ пера именно богослововъ ²⁾. Какой же смыслъ послѣ этого имѣютъ обвиненія по адресу церковно-исторической науки, когда то, что поставляется противъ нея, давно составляетъ ея собственность? Впрочемъ, это несправедливое пренебреженіе къ специальной церковно-исторической литературѣ не было бы большимъ грѣхомъ передъ наукой, если бы оно не сопровождалось въ статьѣ проф. Герье болѣе важными послѣдствіями въ его сужденіяхъ о самомъ смыслѣ донатистскихъ движеній. Задавшись цѣлю представить донатизмъ продуктомъ національныхъ, культурныхъ и политическихъ условій римской Африки, проф. Герье съ устраненіемъ выводовъ церковно-исторической науки, не удержался въ границахъ историческаго безпристрастія, невольно ослабилъ значеніе религіозныхъ силъ, проявившихся въ донатистскихъ движеніяхъ, и чрезъ это разрушилъ цѣльность его духовнаго облика. Если ранѣе, по словамъ Герье, господствовало одностороннее воззрѣніе на донатизмъ, сводившее весь вопросъ о немъ къ нарушенію догматическаго или каноническаго пункта, то теперь на мѣсто этого воззрѣнія статья его ставитъ другую односторонность, въ которой донатизмъ понимается „какъ выраженіе антагонизма между провинціей и имперіей, между либофиникійской и латинской расой“ и которая уничтожаетъ его религіозную основу. Но какъ бы ни были сильны мѣстные элементы въ донатизмѣ (это—еще вопросъ), они никогда не могли составлять основной мотивъ этого движенія; донатисты вели борьбу, терпѣли преслѣдованія, бросались со скаль и сожигали себя вовсе не во имя этихъ мѣстныхъ стремленій, едва-ли сознаваемыхъ ими, а во имя тѣхъ религіозныхъ идеаловъ, которые одушевляли ихъ до полной готовности ихъ къ мученичеству и которые развились на почвѣ своеоб-

¹⁾ Въ извѣстномъ сочиненіи: Kirche und Kirchen, München, 1861.

²⁾ Укажемъ для примѣра на изслѣдованіе о донатизмѣ Thümmel'я, *истора*, проводящаго тотъ же самый взглядъ.

разнаго пониманія христіанства въ Африкѣ и особенностей здѣшной его исторіи. Въ ряду этихъ особенностей, въ развитіи этого своеобразнаго пониманія христіанства мѣстныхъ условія римской Африки, безспорно, имѣли свое значеніе, но они были лишь второстепеннымъ, содѣйствующимъ элементомъ, усложнявшимъ явленіе и объясняющимъ лишь нѣкоторыя отдѣльныя черты его, но не производящей причиною.

Въ самомъ дѣлѣ, данные, указывающіе на вліяніе въ донатизмѣ національныхъ элементовъ, настолько-ли значительны, чтобы безъ всякихъ ограниченій можно было говорить о немъ, какъ о „проявленіи расовыхъ и культурныхъ отличій, раздѣлявшихъ туземное населеніе Африки отъ Рима и навязываемой имъ культуры?“ Уже самая мысль о національныхъ элементахъ въ примѣненіи къ эпохѣ донатизма требуетъ существеннаго ограниченія; понятіе національности есть продуктъ новѣйшей исторіи и было незнакомо греко-римскому міру. Въ воззрѣніяхъ того времени *imperium romanum* покрывало собой весь цивилизованный міръ; что стояло внѣ предѣловъ имперіи, то признавалось варварскимъ; внутри же имперіи не было ни отдѣльныхъ народовъ, ни особыхъ культуръ, но вездѣ царствовала одна греко-римская культура, обнимавшая собой всѣхъ ея подданныхъ. Правда, на отдаленныхъ окраинахъ имперіи, гдѣ нивеллирующее вліяніе греко-римской цивилизаціи сказывалось слабѣе, сохранялись остатки мѣстнаго элемента, обнаруживавшіеся въ языкѣ туземнаго населенія, религіи и нравахъ его, но эти остатки были слабы и продолжали существовать только потому, что стояли далеко отъ непосредственнаго воздѣйствія греко-римской культуры. Новѣйшія открытія, сдѣланныя въ древней Африкѣ, показываютъ, что и въ этой окраинѣ римской имперіи дѣло обстояло именно такъ; мѣстная пунійская культура была слишкомъ слаба и малоразвита, чтобы оказать активное противодѣйствіе натиску латинскаго вліянія, и всюду, гдѣ римская власть утверждалась прочно, латинская культура поглощала ее и замѣняла собой. Туземные остатки удержались лишь въ глубинѣ страны, куда не проникали даже дороги римскихъ легіоновъ, и среди низшаго деревенскаго класса, стоявшаго въ сторонѣ отъ всякихъ культурныхъ вліяній. Между тѣмъ донатизмъ заражается вовсе не

въ этой деревенской глуши Африки, но въ Карфагенѣ, культурной столицѣ римской Африки и центрѣ латинскаго вліянія: здѣсь, къ Карфагенѣ, открылись первые споры, раздѣлившіе потомъ всю Африку, здѣсь дѣйствовали главный организаторъ донатизма, Донатъ Великій, сообщившій ему свое имя, здѣсь же осуществилась и церковная побѣда надъ донатизмомъ на извѣстномъ соборѣ 411 года. И своихъ послѣдователей донатизмъ вербовалъ не исключительно среди пунійскаго населенія, равно какъ не всѣ туземные хрістіане необходимо присоединялись къ донатизму. Если съ толпою донатистовъ часто приходилось объясняться по-пунійски, то есть факты, свидѣтельствующіе, что и въ православныхъ паствахъ латинскій языкъ былъ не для всѣхъ понятенъ. Точно также нѣтъ никакихъ доказательствъ и на то, чтобы виновники донатистскаго движенія или его руководители принадлежали къ пунійской расѣ. Богатая карфагенянка, Люцилла, содѣйствовавшая поставленію перваго донатистскаго епископа въ Карфагенѣ, Майорина, была испанкой. О происхожденіи Майорина ничего не извѣстно, но что онъ былъ человѣкомъ латинскаго образованія и культуры, объ этомъ говоритъ принадлежность его къ карфагенскому клиру и выборъ на столичную кафедру. Донатъ Великій тоже славился своею образованностью и краснорѣчіемъ и, по словамъ Оптата, этимъ качествамъ обязанъ былъ своимъ вліяніемъ. О Парменіанѣ, литературномъ противникѣ блаж. Августина, достовѣрно извѣстно, что онъ не былъ даже африканцемъ. Послѣдній случай, показывающій, что и пришлые люди примыкали къ донатизму и даже становились во главѣ его, настолько характеренъ, что вышеупомянутый нами ученый Тюммель, защищающій ту же точку зрѣнія, что и проф. Герье, счелъ нужнымъ сдѣлать оговорку: „личность Парменіана, — замѣчаетъ онъ, — служить постояннымъ напоминаніемъ о томъ, что въ донатизмѣ религіозные элементы занимали первое мѣсто и что связь его съ мѣстнымъ населеніемъ можетъ составлять только вторичный мотивъ“. Къ сказанному слѣдуетъ добавить еще, что и вся донатистская литература, не исключая и мученическихъ актовъ, особенно распространенныхъ среди низшихъ слоевъ донатизма, писалась на латинскомъ языкѣ и что донатисты всегда признавали этотъ языкъ столь же богоугоднымъ, какъ и свой род-

ной пунийской. При наличности такихъ данныхъ, можно-ли утверждать, что донацизмъ былъ проявленіемъ борьбы пунийской расы и культуры противъ римскихъ пришельцевъ и латинской цивилизаціи и что въ немъ выразился антагонизмъ туземнаго населенія Африки противъ натиска чужеземцевъ? Еще менѣе основаній видѣть въ донацизмѣ слѣды политической борьбы римской провинціи противъ центра имперіи. Правда донацисты отвергли рѣшенія императорской власти и отказались отъ предложенной имъ матеріальной помощи, но въ основѣ этого протеста лежали не политическіе, а религіозные мотивы. Пока не опредѣлилось отношеніе римскаго правительства къ ихъ требованіямъ, донацисты сами возлагали надежды на него: они первые обратились къ императору за рѣшеніемъ своихъ жалобъ и неоднократно апеллировали къ нему; правленіемъ Юліана они также были довольны. Въ виду всѣхъ этихъ сейчасъ изложенныхъ фактовъ теряютъ свое рѣшающее значеніе тѣ немногія указанія на вліяніе въ донацизмѣ національных тенденцій, какія приводятся въ статьѣ проф. Герье. Проявленіе „мѣстнаго и расоваго принципа“ въ донацизмѣ онъ видитъ, во-первыхъ, въ томъ предпочтеніи, какое отдавали донацисты своей мѣстной африканской церкви, именуя ее церковью святыхъ и отвергая всѣ другія церкви, и во-вторыхъ въ связяхъ донацистовъ съ народнымъ африканскимъ движеніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ циркумцелліоновъ. Но первая черта не была какой-либо особенностью донацизма: она—спутникъ всякаго религіознаго сепаратизма и свойственна почти каждой ереси и каждому расколу. Что же касается до циркумцелліоновъ, то появленіе ихъ нельзя ставить въ зависимость отъ донацизма и считать его „результатомъ проникновенія донацистскихъ идей въ сельское сословіе“, какъ выражается Герье. По несомнѣннымъ историческимъ даннымъ, движеніе, обозначаемое этимъ именемъ, возникло задолго до начала донацистскихъ споровъ, еще въ эпоху полного разгара борьбы съ язычествомъ; оно было въ подлинномъ смыслѣ мѣстнымъ африканскимъ явленіемъ, развившимся на почвѣ особыхъ, главнымъ образомъ, социально-экономическихъ условій быта здѣшняго низшаго населенія. Но съ донацизмомъ оно стояло только въ случайной, а не въ генетической и внутренней связи. Самъ блаж.

Августинъ, обвиняющій донатистовъ въ ужасахъ, совершенныхъ циркумцелліонами, всегда отличаетъ однихъ отъ другихъ, пользуясь формулой: *circumcelliones et clerici donatistarum*. Известно, что рогаціане, отпрыскъ донатизма, публично отреклись отъ связей съ циркумцелліонами, и что среди донатистскихъ епископовъ не мало было лицъ, выступавшихъ противъ нихъ *cum aculeis verbis*. Августинъ свидѣтельствуеъ, что даже государственные законы проводили разницу между донатистами и циркумцелліонами, назначая для послѣднихъ болѣе тяжкія наказанія, и это было подтверждено всѣмъ кареагенскимъ собраніемъ 411 г., когда православные заявили, что циркумцелліоны пострадали не за общеніе съ Донатомъ, а за свои злодѣяства, и донатисты имъ не противорѣчили ¹⁾.

Такимъ образомъ, провѣряя на фактахъ взглядъ на донатизмъ, изложенный въ статьѣ проф. Герье, мы вынуждены ограничить его размѣры и рѣшительность. Нельзя утверждать, чтобы донатизмъ былъ проявленіемъ борьбы именно пунійской расы съ латинской, что онъ выражалъ антагонизмъ между пунійской и римской культурой, между провинціей и имперіей. Такія формулы слишкомъ опредѣленны и многосодержательны и не оправдываются совокупностью научныхъ данныхъ. Несомнѣнно донатизму присущъ былъ мѣстный элементъ: онъ сказывался въ своеобразномъ пониманіи донатистами христіанскихъ идеаловъ, въ преобладаніи туземнаго элемента въ числѣ его послѣдователей, въ горячей привязанности къ особенностямъ своей церковной жизни; онъ также обусловилъ собой и нѣкоторыя другія, болѣе частныя и случайныя, подробности, наблюдаемыя въ его исторіи, но не онъ составлялъ собой основной, двигаю-

¹⁾ Въ виду этого мы не считаемъ нужнымъ входить въ разсмотрѣніе характеристики циркумцелліоновъ, предложенной у Герье. Но странно все-таки въ признахъ, совершенныхъ циркумцелліонами на могиллахъ мучениковъ, видѣть семитическій обычай, перенесенный пуійцами въ Африку. Какъ почитаніе предковъ было общимъ для всѣхъ языческимъ религіи явленіемъ, такъ и почитаніе мучениковъ не составляло какой-либо особой принадлежности африканскихъ христіанъ; оно такъ же, какъ и въ Африкѣ распространено было въ Римѣ и Галліи, не говоря о Малой Азіи. Трианы циркумцелліоновъ только извращали этотъ обще-христіанскій обычай, и семитическій Вааль былъ тутъ не при чемъ.

щій мотивъ его. Донатизмъ былъ церковнымъ явленіемъ, возникъ изъ религіозныхъ потребностей и выступалъ во имя религіозныхъ интересовъ; мѣстный же элементъ проявлялся въ немъ, какъ и въ прочихъ церковно-историческихъ движеніяхъ, въ качествѣ сопутствующаго фактора, который въ историческій образъ донатизма вносилъ свои особые штрихи, по который не занималъ фокуса картины. Разсматриваемая съ этой стороны, какъ восполненіе церковно-исторической литературы о донатизмѣ, статья проф. Герье является цѣннымъ приобретеніемъ; въ этомъ состоитъ научное значеніе какъ самой статьи, такъ и примѣняемаго въ ней метода.

3) Своей статьѣ „О проповѣднической дѣятельности ап. Андрея и св. Нины въ Грузіи (Ж. М. Н. П., Янв.)“ И. А. Джаваховъ предпосылаетъ одно небольшое, но очень вѣрное замѣчаніе, характеризующее современное состояніе грузинской науки по древней исторіи христіанства въ Грузіи. Кому приходилось хотя отчасти ознакомиться съ грузинской литературой по этому предмету, тотъ знаетъ, что трудно указать въ ней такой курсъ или отдѣльное изслѣдованіе которое не наполнено было бы жалобами на недостатокъ матеріала, на невозможность работать по скудости источниковъ. Читателю этихъ жалобъ, специально не занимающемуся грузинской исторіей, естественно было думать, что по крайней мѣрѣ эти недостаточные матеріалы, эти скудные источники изучены въ должной мѣрѣ, обслѣдованы во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Оказывается, что и этого нѣтъ: „мы не успѣли,—заявляетъ г. Джаваховъ отъ имени грузинскихъ историковъ,—воспользоваться и имѣющимися у насъ подъ руками матеріалами, не смогли опредѣлить степень достовѣрности, характеръ памятниковъ и не извлекли изъ нихъ всѣхъ необходимыхъ и важныхъ для Грузіи данныхъ“. Дальнѣйшее содержаніе статьи показываетъ, что въ этихъ словахъ высказана еще не вся горькая правда: грузинскіе историки не только „не смогли извлечь изъ источниковъ всѣ важныя данныя“, но по-видимому критическое изученіе источниковъ совсѣмъ еще и не начиналось въ Грузіи. Какъ стоитъ это дѣло въ настоящее время, лучшее понятіе о томъ даетъ случай съ Шатбердскимъ житіемъ св. Нины, однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ по начальной исторіи христіанства въ Грузіи. Открытое десять лѣтъ тому назадъ, оно

было обсуждаемо уже нѣсколькими грузинскими историками, признано подлиннымъ произведеніемъ ученицъ Св. Нины, за каковое оно себя и выдаетъ, и такимъ образомъ поставлено внѣ всякаго сомнѣнія со стороны сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній. Но при этомъ совсѣмъ было опущено изъ вниманія, что все житіе, по своей формѣ и содержанию, представляетъ собой очень неумѣлую и несовершенную работу, что послѣдовательный разсказъ въ немъ перепутанъ, что оно полно грубыхъ противорѣчій, хронологическихъ и историческихъ погрѣшностей, не позволяющихъ приписывать его происхожденіе современникамъ. Не замѣченнымъ оказался даже такой крупный фактъ, что въ житіи недостаетъ цѣлыхъ двухъ главъ, о чемъ свидѣтельствовала уже самая нумерація его, такъ какъ, по заявленію Джавахова, за четвертой главой въ немъ слѣдуетъ шестая и за девятой одиннадцатая. Что же это за историки, просмотрѣвшіе въ изучаемомъ источникѣ пропускъ цѣлыхъ главъ и не замѣтившіе бьющихъ въ глаза противорѣчій? Что они читали въ немъ и какъ изучали?—послѣ указаннаго факта отвѣчать на эти вопросы излишне.

Вмѣсто никому не нужныхъ сѣтованій на скудость источниковъ статья г. Джавахова ставитъ своей задачей критически разсмотрѣть уже имѣющійся на лицо и касающійся двухъ главнѣйшихъ пунктовъ древней исторіи грузинскаго христіанства матеріалъ, именно, а) сказанія о жизни и проповѣднической дѣятельности св. Нины и б) преданіе о путешествіи ап. Андрея въ Грузію. Въ виду указаннаго состоянія грузинской исторической науки эта задача является, конечно, дѣломъ первой и самой настоятельной необходимости. Свѣдѣнія о жизни св. Нины сохранились отчасти въ греческихъ и армянскихъ, главнымъ же образомъ въ грузинскихъ источникахъ, между которыми наиболѣе полнымъ является вышеупомянутое Шатбердское житіе, доселѣ признававшееся произведеніемъ ученицъ св. Нины, написаннымъ съ ея словъ. Подвергнувъ это житіе анализу со стороны его формы и содержанія, г. Джаваховъ устанавливаетъ въ немъ цѣлый рядъ признаковъ, свидѣтельствующихъ о непринадлежности его современникамъ св. Нины и позднѣйшемъ происхожденіи, какъ-то: беспорядочность изложенія, сказывающаяся въ нарушеніи послѣдовательности разсказа,

ссылки на предыдущія сообщенія, которыхъ, однако, не имѣется въ памятникѣ, грубыя противорѣчія, невѣроятность нѣкоторыхъ извѣстій и пр., и на этихъ основаніяхъ приходитъ къ заключенію, что всѣ части житія искажены и переработаны, что оно не можетъ быть приписано современникамъ св. Нины и появилось не раннѣе VIII—IX вв. Такъ какъ неподлинность источника еще ни мало не доказываетъ исторической недостоверности *всѣхъ* излагаемыхъ въ немъ свѣдѣній, то дальнѣйшая и главная часть статьи Джавахова посвящена критическому разбору самаго содержанія сказаній о св. Нинѣ, которое располагается по тремъ группамъ: а) происхожденіе св. Нины, рожденіе ея и воспитаніе до 12 лѣтъ; б) проповѣдническая дѣятельность св. Нины въ Византіи до прихода въ Грузію и в) приходъ Нины въ Грузію, проповѣдь и обращеніе народа. Анализъ хронологическихъ данныхъ, показывающій ихъ несоотвѣтствіе дѣйствительному теченію событій, внутренняя несостоятельность нѣкоторыхъ подробностей, внѣшняя повѣрка ихъ по другимъ древнимъ и несомнѣннымъ источникамъ, не подтверждающая ихъ достоверности, и другія подобнаго рода наблюденія приводятъ и здѣсь г. Джавахова къ отрицательному результату, заставляя его отвергнуть историческую цѣнность разбираемыхъ сказаній. Общій выводъ о жизни и проповѣднической дѣятельности св. Нины формулируется такъ: „въ первой половинѣ IV вѣка въ Грузіи нѣкая плѣнница, которая по грузинскимъ источникамъ называлась Нино, по армянскимъ Нунэ, начала проповѣдовать христіанство. О происхожденіи (т. е. мѣстѣ рожденія, родителей, родственниковъ и пр., о чемъ подробно говорятъ сказанія) этой плѣнницы ничего неизвѣстно. Около 337 года одна часть грузинъ съ царскимъ семействомъ во главѣ приняла проповѣдь плѣнницы и послала къ Императору Константину пословъ съ просьбой прислать имъ духовенство для крещенія народа. Константинъ послалъ священнослужителей, которые крестили принявшихъ вѣру Христову, но нѣкоторые изъ грузинскихъ племенъ, жившихъ въ горахъ, отвергли и вѣру, и священниковъ“. Скончалась св. Нина въ с. Боди, отождествляемомъ теперь съ с. Бодбэ, Сигнахскаго уѣзда.

Противъ изложеннаго вывода едва-ли можно возразить что-либо другое, кромѣ того, что онъ ужь очень скуденъ со-

держаніемъ. Онъ въ точности совпадаетъ съ тѣмъ, что знали о св. Нинѣ церковные историки IV и V вв. и что изложилъ Руфинъ въ своей исторіи на основаніи рассказовъ грузинскаго вождя Бакура. Но, конечно, этотъ выводъ еще далеко не рѣшаетъ всѣхъ вопросовъ, соединенныхъ съ грузинскими сказаніями о св. Нинѣ. Не только осталось „еще много поработать надъ тѣмъ, чтобы нарисовать ясно и рельефно исторію этихъ сказаній“, какъ сознается самъ г. Джаваховъ въ концѣ своей статьи, но потребуются не мало труда и для того, чтобы выяснитъ ихъ любопытныя подробности. Отвергнуть общую достовѣрность древнихъ преданій не значитъ покончить съ ними дѣло: для этого нужно показать, какъ и когда, подъ какими вліяніями создавались эти преданія? что служило для нихъ поводомъ и откуда они черпали свой матеріаль?—словомъ, нужно дать историко-критическій комментарий къ каждой ихъ детали. И весьма возможно, что при надлежащемъ историко-критическомъ изслѣдованіи грузинскихъ сказаній о св. Нинѣ, особенно при свѣтѣ новыхъ источниковъ, ожидать открытія которыхъ имѣются основанія, многіе изъ рассказовъ, теперь зачеркнутыхъ Джаваховымъ, какъ ненужный балластъ, окажутся полными историческаго интереса. Критика г. Джавахова, хотя и идетъ по настоящему пути, но не вездѣ стоитъ на должной высотѣ. Если предшественники его по изучаемому вопросу съ наивною довѣрчивостью брали изъ источниковъ все, что имъ пригодно, то въ работѣ Джавахова можно видѣть приемы гиперкритики, которая сама изобрѣтаетъ искусственныя придирки къ мелочамъ, чтобы заподозрять все сказаніе. Для него напр. достаточно существованія двухъ разнорѣчивыхъ рассказовъ объ одномъ событіи, чтобы отвергнуть и подлинность рассказовъ, и дѣйствительность событія. Точно также состояніе хронологіи жизни св. Нины намъ кажется не столько безнадежнымъ, какъ это думаетъ г. Джаваховъ. И вообще, не защищая подлинности разобранныхъ Джаваховымъ источниковъ, должно сказать, что огульное отрицаніе всякой ихъ достовѣрности есть рѣшеніе преждевременное.

Болѣе законченный и состоятельный видъ имѣетъ отдѣлъ статьи, занимающійся разборомъ преданія о путешествіи ап. Андрея въ Грузію. Г. Джавахову удалось собрать данныя, показывающія, что въ IV в. (Руфинъ-Бакуръ), въ V—VI (Петръ

Мацумскій), въ VII—VIII (лѣтопись—Мокцеваи-Карглисай), въ VIII—IX (Шатбердское житіе) въ Грузіи не знали о провѣднической дѣятельности Апостола. Происхожденіе преданія естественно объясняется іерархическими спорами, поднявшимися въ грузинской церкви въ XI и X вв., и литературною дѣятельностію афонскихъ грузинъ-монаховъ, занимававшихъ его изъ греческихъ источниковъ. Но какъ возникло это преданіе въ Греціи, попытка г. Джавахова отвѣтить на это пока не можетъ быть признана удовлетворительной.

Во всякомъ случаѣ, статья г. Джавахова вноситъ новую, живую струю въ существующую литературу по исторіи грузинской церкви. Протестуя во имя науки противъ чересчуръ довѣрчиваго отношенія къ источникамъ, не заслуживающимъ довѣрія, она вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ понять, что эта довѣрчивость вызывалась не столько незнаніемъ научныхъ приемовъ, сколько ложно понятымъ патриотизмомъ и нежеланіемъ разстаться съ давно прижитыми преданіями. Подвергнувъ критикѣ самыя популярныя изъ этихъ вѣковыхъ вѣрованій, г. Джаваховъ пришелъ, какъ мы видѣли, къ радикальнымъ выводамъ, но это не можетъ быть поставлено ему въ упрекъ. „Преданія эти,—справедливо говоритъ онъ,—существуютъ не менѣе десяти вѣковъ и имѣли въ свое время большое значеніе; не разъ въ критическіе моменты народной жизни, былъ-ли то вопросъ о защитѣ автокефальныхъ правъ грузинской церкви или тяжелый гнетъ мусульманства, они давали вѣру и бодрость народу... Теперь уже время, чтобы эти преданія со всѣми матеріалами, были рассмотрѣны научной критикой“. Свободный отъ стороннихъ тенденцій путь къ этой цѣли и пролагаетъ статья г. Джавахова.

4) Два экскурса покойнаго проф. С.-Петербургской Дух. Академіи В. В. Болотова († 5 апр. 1900 г.), извлеченные изъ посмертныхъ бумагъ его, представляютъ собой продолженіе или, вѣроятнѣе всего, уже завершеніе его работъ по исторіи сиро-персидской (сиро-халдейской) церкви, начатыхъ печатаніемъ еще при жизни его въ Христ. Чтеніи за 1899 и 1900 гг.. Читателямъ „Богосл. Вѣсти.“, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстно какъ имя покойнаго профессора, такъ и то дѣятельное участіе, какое онъ принималъ въ состоявшемся въ

1898-мъ году присоединеніи къ православію сиро-халдейскихъ несторіанъ. Въ связи съ этимъ участіемъ и стоитъ появленіе означенныхъ работъ подъ общимъ заглавіемъ „изъ исторіи церкви сиро-персидской“, имѣющихъ свою цѣлю внести свѣтъ въ наиболѣе темныя и трудныя вопросы изъ прошлой жизни этой давно отторгшейся отъ вселенскаго союза христіанской общины. Всѣхъ этюдовъ девять. Вотъ ихъ перечень для интересующихся этимъ предметомъ: 1) Супурганъ; значеніе этого имени ¹⁾ (*Хр. Чт.* 1899, 1, 95—112); 2) *Serhakan-Wasprakan* (изъ исторической географіи Арменіи,— *ibid.*, 112—121); 3) Древнѣйшія митрополіи въ церкви персидской (1899, 2, 323 — 349); 4) Смутное время въ исторіи сиро-персидской церкви (1899, 3, 535—547); 5) Списокъ католикосовъ селевкие-ктезифонскихъ (1899, 4, 789—804; 5, 1004—1031; 6, 1182 — 1204); 6) Что знаетъ о началѣ христіанства въ Персіи исторія? (1900, 1, 65—99; 3, 428—439); 7) *Πάρεργον*. Изъ эпохи споровъ о пасхѣ въ концѣ II вѣка (1900, 3, 439—454); 8) Календарь персовъ (1901, Мартъ, 439—462; Апр., 498—515); 9) Церковный годъ сиро-халдеевъ. Каждый изъ этихъ этюдовъ, можно сказать, даетъ въ себѣ цѣльную ученую диссертацию, исчерпывающую избранный для изслѣдованія вопросъ, взятые же вмѣстѣ, они являются рѣдкимъ и богатымъ вкладомъ въ малоизвѣстную область исторіи персидскаго христіанства.

Не беремъ на себя обязанности излагать ихъ содержаніе; специальность изучаемыхъ въ нихъ вопросовъ и детальность аргументаціи дѣлаетъ такую обязанность не только трудной, но — нужно сказать прямо — и бесполезной. Ученая деталь и специальный вопросъ могутъ имѣть значеніе для читателя лишь въ томъ случаѣ, если ему предварительно извѣстна та общая сфера науки, въ предѣлахъ которой они вращаются, чего въ данномъ случаѣ предполагать нѣтъ оснований. Да и самъ проф. Болотовъ, какъ извѣстно, предназначалъ свои статьи не для широкой публики; стоя на высшей точкѣ современнаго научнаго развитія, онъ требовалъ отъ своихъ читателей значительнаго запаса познаній и ученаго интереса, чтобы терпѣливо преодо-

¹⁾ Супурганъ — резиденція митрополита Маръ-Іоны, прибывшаго во главѣ миссіи отъ сиро-халдеевъ, подписавшей актъ соединенія.

лѣтъ ту бездну свѣдѣній, какую онъ щедро предлагать въ своихъ работахъ. Не будемъ входить и въ научную оцѣнку ихъ. Безспорно, разсматриваемые экскурсы являются однимъ изъ лучшихъ показателей той исключительной умственной силы, какой владѣла русская наука въ лицѣ безвременно скончавшагося В. В. Болотова. Равнымъ образомъ и общія черты, характеризующія собой ученый обликъ покойнаго профессора,—поразительная эрудиція, обширныя свѣдѣнія по филологіи, хронологіи и особенно исторіи, образцовый научный методъ,—выступаютъ въ нихъ съ меньшей выпуклостью, какъ и въ другихъ извѣстныхъ ученыхъ работахъ его. Но надлежащая,—научная и авторитетная,—оцѣнка ихъ возможна лишь для равноправнаго съ нимъ въ этой области спеціалиста, какого,—надо думать, — мы дождемся не скоро.

Было бы, однако, несправедливо утверждать, что все безъ исключенія въ работахъ проф. Болотова стоитъ внѣ интересовъ обычнаго круга читателей. При всей ихъ спеціальности, въ нихъ всегда можно встрѣтить пункты и выводы, имѣющіе общее значеніе, которые тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что неизмѣнно отличаются новизной и оригинальностью. Не мало такихъ выводовъ предлагаютъ и его экскурсы по исторіи сиро-халдейскаго христіанства, особенно въ виду тѣхъ новыхъ отношеній, въ какія съ недавняго времени вступила наша церковь съ существующими представителями его. Читателю, интересующемуся прошлыми судьбами этой воссоединяющейся теперь съ православіемъ общины, можно прямо порекомендовать напр. экскурсъ о началѣ христіанства въ Персіи, гдѣ темный и запутанный вопросъ о происхожденіи сиро-халдейской церкви впервые отрѣшается отъ легендарныхъ сказаній и ставится на научную почву. Путемъ оригинальныхъ комбинацій и детальной критики источниковъ проф. Болотовъ приходитъ въ немъ къ установкѣ того положенія, что исторической родиной персидскаго христіанства была едесская церковь, что насадителемъ его и вмѣстѣ первымъ епископомъ сиро-халдейской церкви былъ маръ-Маре (Марій), жившій въ первой половинѣ третьяго вѣка, ученикъ апостола (не изъ 70-ти) Аддая (Θаддея), дѣйствовавшего въ Едессѣ въ послѣдней четверти II в. Вмѣстѣ съ этимъ выводомъ падаетъ оконча-

тельно и то старое, общераспространенное мнѣніе, по которому источникомъ христіанства для Персіи считалась Антиохія; напротивъ,—утверждаетъ Болотовъ,—„получивъ своихъ первыхъ іерарховъ отъ церкви едесской, церковь сиро-персидская была автокефальна во все время своего историческаго существованія и никогда не стояла въ зависимости отъ антиохійской каѳедры. Первостоятелей церкви персидской, епископовъ селевкіе-ктезифонскихъ, избирали и рукополагали подвѣдомые имъ епископы сиро-персидскіе“. — Едва-ли у многихъ читателей хватить самоотверженія, чтобы внимательно прослѣдить за экскурсами, занимающимися установкой списка сиро-халдейскихъ католиковъ, однако и здѣсь заключительный выводъ, къ какому они приводятъ относительно современныхъ сиро-халдеевъ, не лишенъ общаго интереса. Оказывается, что наследственная линія патріарховъ Марь-Шимоновъ, стоящая во главѣ той части сиро-халдеевъ, изъ которой вышли попытки къ соединенію съ православіемъ, имѣетъ болѣе правъ на притязаніе быть продолжательницей древняго рода сиро-халдейскихъ католиковъ, чѣмъ соперничающая съ ней линія Марь-Йосефовъ, принявшая католичество. Отмѣтимъ еще экскурсъ, описывающій церковный годъ современныхъ сиро-халдеевъ, гдѣ послѣдовательно проведенное сравненіе его съ богослужебнымъ кругомъ православной и католической церкви даетъ возможность всякому ясно видѣть отличительныя особенности его.

5) Въ статьѣ г. П. Лепорскаго: „Восточный Иллирикъ ¹⁾ и его церковно-историческое значеніе“ мы имѣемъ предъ собой рѣчь, произнесенную авторомъ предъ защитой магистерской диссертациі на тему: „Исторія ѳессалоникскаго экзархата до времени присоединенія его къ Константинопольскому патріархату“. Какъ и всѣ подобнаго рода произведенія, она стоитъ въ тѣсной связи съ диссертацией и защищаетъ ея научный *raison d' être*. Обще-историческій интересъ своего изслѣдованія авторъ указываетъ въ томъ значеніи, какое имѣли восточный Иллирикъ и стоявшій во главѣ его

¹⁾ Древній восточный Иллирикъ обнималъ собой нынѣшнія Сербію, Черногорію, западную половину Болгаріи, Албанію, Македонію, Грецію и о. Кипръ.

ѳессалоникскій экзархатъ въ развитіи отношеній между константинопольскимъ патріархатомъ и римскими папами. Предназначенный уже самымъ своимъ географическимъ положеніемъ къ тому, чтобы рано или поздно примкнуть къ одному изъ этихъ центровъ церковной жизни, Иллирикъ сдѣлался источникомъ соперничества между константинопольскими патріархами и папами, содѣйствовалъ обостренію ихъ взаимныхъ отношеній и, въ концѣ концовъ, послужилъ одной изъ причинъ, повлекшихъ за собой раздѣленіе церквей. Авторъ отмѣчаетъ факты, въ какихъ выразилось это соперничество въ періодъ отъ V—VIII вв., причемъ оказывается, что серьезная попытка подчинить себѣ ѳессалоникскій экзархатъ предпринята была со стороны Константинополя только однажды, да и та сопровождалась полной неудачей. Когда въ 415-мъ году папа официально учредилъ въ ѳессалоникѣ свой викариатъ, чтобы упрочить свою власть надъ Иллирикомъ и создать противовѣсъ возрастающему здѣсь вліянію Константинопольскаго патріарха, на это новшество отвѣтили изъ Константинополя изданіемъ закона Теодосія II, 421 г., предписывавшаго всѣ дѣла въ Иллирикѣ вѣдать мѣстному собору, въ затруднительныхъ же случаяхъ обращаться къ епископу Константинополя, какъ обладающему привилегіями древняго Рима. Но папѣ, опиравшемуся въ своихъ требованіяхъ на старыя традиціи, ничего не стоило отстранить этотъ ударъ; самъ западный императоръ Гонорій выступилъ въ защиту его правъ, и хотя законъ 421-го года не былъ отмѣненъ, но дѣло осталось въ прежнемъ положеніи. Съ этихъ поръ до VIII-го вѣка власть папы въ Иллирикѣ съ формальной стороны стояла прочно, и само византійское правительствѣ признало ее, когда въ 553-мъ году имп. Юстиніанъ, пожелавшій учредить новое викариатство въ своемъ родномъ городѣ-Юстиніанѣ, находившемся въ Иллирикѣ, счелъ нужнымъ обратиться для этого за особымъ разрѣшеніемъ къ папѣ. Въ актахъ VI-го вселен. собора точно также можно читать подпись, гдѣ епископъ ѳессалонійскій именуется себя прямо „викариемъ апостольскаго престола Рима и легатомъ“.

Но оставаясь въ формальномъ подчиненіи Риму, Иллирикъ за все это время продолжалъ служить для папы постояннымъ предметомъ непрерывныхъ заботъ и тревогъ.

Папы зорко должны были слѣдить за быстро усиливающеюся властію константинопольскаго патріарха и принимать предупредительныя мѣры, чтобы она не поглотила ихъ права. По выводамъ г. Лепорскаго, вопросъ объ Иллирикѣ и составлялъ ту тайную пружину, которая давала ходъ всему протесту, поднятому папами противъ Халкидонскихъ опредѣленій. Въ самомъ Иллирикѣ, принадлежавшемъ къ восточной половинѣ имперіи, существовала партія, тянувшая къ Константинополю. Въ 531 г. два ѳессалійскихъ епископа, недовольные своимъ митрополитомъ Стефаномъ, подали жалобу на него патріарху Епифанію, обвиняя въ незаконномъ будто бы полученіи хиротоніи. Епифаній потребовалъ его къ себѣ на судъ и низложилъ. Но папа, понятно, вступился за обиженнаго и опять выигралъ дѣло: въ Константинополѣ все объяснили вмѣшательствомъ императора, и Епифаній отдѣлался только выговоромъ отъ папы за то, что не внушилъ императору о преимущественной власти его надъ Иллирикомъ. Конецъ папскому владычеству надъ восточнымъ Иллирикомъ положенъ былъ распоряженіемъ свѣтской власти. Въ 30-хъ годахъ VIII в. императоръ Левъ III Исавръ отнялъ его у папы въ отместку за противодѣйствіе иконоборческимъ эдиктамъ и—главное—за неудачу военной экспедиціи для усмиренія возстанія въ Италіи, устроеннаго папой. Попытка папъ, сдѣланная въ IX вѣкѣ, вернуть себѣ власть хотя бы надъ Болгаріей, уже не имѣла успѣха.

Обоснованіе и развитіе всѣхъ этихъ положеній, безъ сомнѣнія, нужно искать въ диссертациі автора.

А. Спасскій.
